

К Р О К О Д И Л

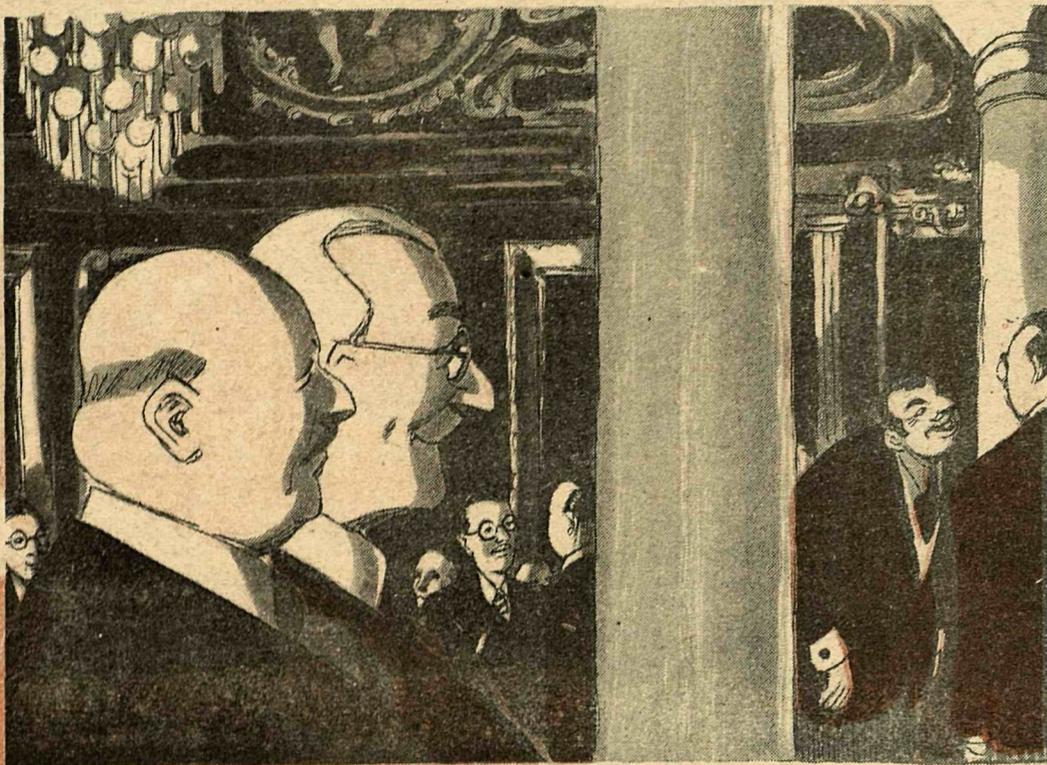
K556
465



— Что-то не узнаю: это Старые Лужки?
— Э, милый, старые Старые Лужки немцы сожгли, а это новые Старые Лужки.

Рис. К. Елисева

Рис. Ю. Ганфа



— Как вы думаете, сколько голосов будет подано против советского предложения?

— Два голоса и пять подголосков.

ПЕСЕНКА ПРОВОДНИКА

1

Тридцать лет, как я служу проводником,
Каждый стык на каждой рельсе мне знаком.

Мне приятельски мигает с давних пор
Каждый красный и зелёный семафор.
Тридцать лет, как я служу,
Откровенно вам скажу,
Что мне нравится один пассажир
И не нравится другой пассажир.

2

Вот на полке, без баулов и корзин,
Едет с папкой и портфелем гражданин.
Чертежи он разбирает — их не счесть,
Ни поспать не успевает, ни поесть.
Я возил его не раз
То в Кузбасс, а то в Донбасс,
То на стройку в Красноярск, в
Армавир, —
Вот мне нравится такой пассажир!

3

Я не раз командированных возил,
Но один из них мне душу занозил, —
Если только едет к югу мой вагон,
Обязательно в вагоне едет он.
За полгода девять раз
Он обследовал Кавказ,
А теперь он едет в Крым скинуть жир...
Мне не нравится такой пассажир!

4

Как-то сел один писатель в мой вагон,
Весь вагон с ним потерял покой и сон.
Он не прятал свой блокнот, пока не
слез, —

До всего у человека интерес.
К машинисту был вопрос, —
Он полез на паровоз,
Вылез чёрный, словно ездил в Алжир...
И мне нравится такой пассажир!

5

Как-то сел другой писатель в мой вагон,
Два рассказа написал за перегон,
А на станции, где мы стояли час,
Сочинил об этой станции рассказ.
А когда он выходил,
Всюду справки наводил:
Есть ли фрукты и поспел ли инжир?
Мне не нравится такой пассажир!

6

Тридцать лет, как я на транспорте
служу,
Тридцать лет, как пассажиров я вожу.
Беспокоится, старается народ.
Есть и те, кого пугает полный ход.
Большинство спешит вперёд,
Кое-кто стоянки ждёт.
И мне нравится один пассажир
И не нравится другой пассажир!

В. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА



САЛОНИКИ. В греческие порты прибыла иностранная военная эскадра с «визитом вежливости». Чья эскадра и какова истинная цель её прибытия, из вежливости умалчиваем.

СИДНЕЙ. Делегация советских женщин, направлявшаяся в Австралию, не допущена сюда австралийскими властями. Делегация парижских манекенщиц с последними моделями допущена сюда австралийскими властями. Сопоставляя эти два факта с выступлениями австралийских делегатов в Париже, обозреватели делают совершенно определённые выводы о нынешних модах в Австралии.

ПАРИЖ. В связи с недоумением широкой общественности по поводу того, что бывший итальянский посол в Бразилии, видный фашист Уго Сола, до сих пор не привлечён к ответственности, в осведомлённых кругах разъясняют: Уго Сола уже привлечён, но не к ответственности, а к ответственной работе в составе итальянской делегации на Мирной конференции.

ГААГА: В Голландии проводится массовая чистка учреждений от фашистских элементов. В первую очередь очищены от фашистов все тюрьмы и лагеря, в результате чего на свободу выпущено 40 тысяч гитлеровцев.

АМЕРИКАНСКИЕ «АКТЕРЫ»

Американские солдаты в Китае недовольны, что им приходится вмешиваться в борьбу китайцев. Когда американский генерал сказал однажды солдатам, что борьба в Китае — чисто китайская драма, один из солдат заметил: — Возможно, что это драма чисто китайская, но в ней играет чертовски много американских актёров.

(«Выбер», Чехословакия.)

ПЛЕБИЦИТ ПО-ГРЕЧЕСКИ

Рис. Г. Валька



— Кто за короля, — поднимите руки!..

НА ТРИБУНЕ

— Я, товарищи, с этой трибуны со всей ответственностью заявляю: виноват! Ви-но-ват! Проглядел, понимаете, прозевал. Я, как член редколлегии, нередко сталкивался с этим... с этим, с позволения сказать, писателем. Я, разумеется, чувствовал, что в его, с позволения сказать, произведениях есть что-то не наше, какой-то этакий душок чуждой идеологии. (Реплика с места: Вчера вы утверждали, что Звёздочкин — талант и будущий классик.) И вот только сейчас я совершенно отчётливо осознал, как мы, и в первую голову лично я, были слепы и глухи. Ведь только подумать, какой товарец протаскивал в нашу литературу этот Звёздочкин! (Реплика с места: С вашей приятельской помощью.) Это же пошлость, стряпня, это же... чорт знает что такое! (Реплика с места: А когда вам об этом раньше говорили, вы не соглашались!) Не в оправдание себя, но я должен сообщить, что ещё год тому назад начал писать критическую вещь, в которой решил вывести Звёздочкина на свежую воду.

Не сегодня-завтра я её окончу. Пусть это и будет моим вкладом в дело перестройки... (Реплика с места: Довольно! Всё ясно!)

У ПОДЪЕЗДА

— Ах, Марья Львовна! Значит, присутствовали? Значит, слышали мою речь? Не дали закончить! Демагоги! Ну, ну, не хмурьтесь, роднуля. Тсс! Давайте-ка сюда ваше ушко. Скажите вашему куралесу Звёздочкину, что я его жалею, сочувствую и попрежнему ценю его талант. А речь... Ну, вы же понимаете... Кто, кто, а вы-то знаете меня не первый год... Не благодарите — долг дружбы для меня выше всего. Да тащите своего супруга ко мне на чашку чая. Жду! Вашу ручку.

ДОМА

— Кисанька, я прилягу отдохнуть. Если из редакции позвонят насчёт статьи о Звёздочкине, так ты скажи, что я очень болен. Да, чуть не забыл, после собрания я встретил Марью Львовну Звёздочкину и пригласил её с мужем на чай. Если увидишь в окно, что идут, — запри дверь. Неудобно сейчас с ними открыто встречаться. Как-нибудь в другой раз... потом видно будет.

В КАБИНЕТЕ

— И не проси, роднуля. Не могу. Не могу! И под псевдонимом не могу. Вот поутряётся всё, поуляжется... Впрочем... Дай-ка сюда твою штучку. Так... Так... Мило, очень мило. Но в нашем журнале печатать нельзя. Пока нельзя, понимаешь? А мы устроим так... Ну-ка, сними трубку и набери мне Анну Власьевну. Алло!.. Алло!.. Анна Власьевна? Привет, роднуля, привет! Ну да, конечно, я. Как живёте? У меня к вам просьбишка: Звёздочкин написал одну штучку, мне, сами понимаете, протолкнуть в свой журнал её сейчас нельзя; а у вас, в эфире, сойдёт, включишь там в какой-нибудь монтаж для детских передач — и шито-крыто. Не надо? Ну, хорошо. Но зачем вы так грубо разговариваете со мной?

НА ПЛЯЖЕ

— Ну вот, кисанька, мы и у моря. Хорошо! Пускай там волнуются, спорят о Звёздочкине, а мы, хе-хе-хе, болны. Мы почитаем, понаблюдаем, подождём. Правда, могут придраться, что два отпуска в одном году, ну да Евгений Борисыч справку даст, а то и бюллетень. Такто... Не правда ли, умница? Посидим у моря, переждём непогоду, а потом мы сменим благополучно лоно природы на лоно редакции. Вернёмся отсюда... чёрненькие-чёрненькие!..

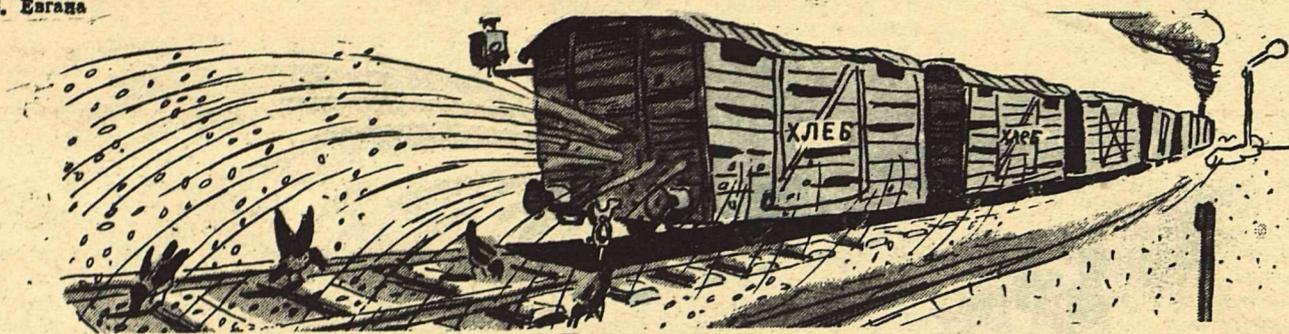
Записал Д. БЕЛЯЕВ

ВОКРУГ ЛЮКСЕМБУРГСКОГО ДВОРЦА

Рис. Бор. Ефимова



Мушинная возня.



Распространённая механическая сеялка железнодорожного образца.

З О Л О Т О Й Ч Е Л О В Е К

КОГДА среди работников конторы Мосносок возникал разговор о заведующем конторой Иване Петровиче Зайкине, все дружно давали своему заведующему следующую характеристику:

— Так, никаких особенных способностей в нём нет. Скорее ленив, чем энергичен. Может приврать. Не без этого. Но уж что в нём бесспорно, — это доброта. Добрый, отзывчивый человек, широкая натура. Уборщица Катя к этому обычно присовокупляла:

— Сердце у них золотое.

Человек, обладающий золотым сердцем, приходил на работу к 11 часам, садился в удобное кресло и вперемежку со служебными делами начинал сеять, так сказать, разумное, доброе, вечное.

— Иван Петрович, — говорила машинистка Верочка, — я так больше не могу. Неужели я должна печатать ещё и цифровую работу?

— Не надо. Отдавайте на сторону.

Через минуту в кабинете появлялся главный бухгалтер Пегасов.

— Вот что, дорогой Тимофей Тимофеевич, — говорил ему Зайкин, — я очень ценю вас. Больше того: я люблю вас. Мы прошли с вами вместе рука об руку суровый жизненный путь: две ревизии, одна проверка штатной комиссии. И, как говорится, не в шумной беседе друзья познаются...

— Отдавать на сторону нельзя, — уныло говорил Тимофей Тимофеевич.

— Вы что же: хотите, чтобы это молодое существо сохло на цифровой работе?

— Так она не только цифровую, а всякую другую желает на сторону отдавать.

Молодое и прекрасное существо прикладывало платочек к глазкам:

— У меня ужасное состояние, Иван Петрович. Туман перед глазами... Очень больна мама.

— Вы слышите? — сурово спрашивал Зайкин главного бухгалтера. — Вас это не трогает?

— Меня тут трогает только одно, что ихняя мама год тому назад умерла, а теперь, несмотря на это, заболела. Тогда мы месяца три ничего не делали и теперь тоже вот уже вторую неделю...

Верочка в слезах убежала из кабинета.

— Не придирайтесь, Тимофей Тимофеевич, — говорил своим низким, грудным голосом Зайкин. — Вообще это такая мелочь.

— Таких мелочей у нас на десятки тысяч, — говорил Тимофей Тимофеевич.

В комнату вбегал по обыкновению своему стремительно агент по снабжению Рукоплёсов.

— Чорт знает что! — кричал он ещё на пороге. — Так жить нельзя!

— Что случилось?

— По дороге на вокзал пропало пять ящиков носок.

— Печально.

— Смешно говорить, кто же радуется этому?! Попрыгункин собирается возбуждать какое-то дело против меня и шофёров.

— Пока я жив, — говорил тихо и торжественно Зайкин, — дела не будет. Спишем в убыток...

— Живите, — благоговейно говорил Рукоплёсов, — живите вечно, золотой вы человек.

— Художник-оформитель пришёл, — докладывал секретарь.

Зайкин встал с кресла и с приветливой улыбкой шёл к двери: он любил людей искусства.

Художник-оформитель Борис Борисович Спичкин, маленького роста, лысеющий брюнет, входил в кабинет Зайкина усталой, развинченной походкой, долженствовавшей свидетельствовать о том, что жизнь в искусстве нелегка и не только удовольствие и радость наполняют её, но и суровый труд.

— Что с вами, дорогой Борис Борисович? — спрашивал Зайкин, когда Спичкин, усевшись в кресло, вытягивал короткие свои ноги в розовых фланелевых брюках.

— Устал, устал, Иван Петрович.

— Да, ваше дело трудное, — заискивающе говорил Зайкин. — Что и говорить... Требования повысились. Возьмите того же Репина. Ему что! Был он просто художником — и всё. А вы ещё, кроме этого, и оформитель.

— Ах, кто это ценит! — с горькой усмешкой, снимая пушинку с рукава своего яркозелёного пиджака, говорил Спичкин. — Когда из-за каких-то жалких тридцати пяти тысяч приходится вести нескончаемые разговоры!

— Кто же этот гонитель искусства? — спрашивал с доброй улыбкой на пухлых губах Зайкин.

— Ну, вы же знаете, кто.

Управделами Сенцов был несговорчивым и наредкость холодным

человеком. Можно без труда себе представить, какое неудовольствие он возбуждал в Зайкине.

— Так вы что же: не хотите уплатить человеку за его труд? — спрашивал его Зайкин.

— Труд не вижу.

— То есть как не видите труда? — визжал Спичкин, и его чёрная, как смоль, рубаха в яркожёлтую полосу покрывалась бурными пятнами пота. — У вас где раньше на витрине стоял портрет стахановки трикотажной промышленности Петренко? Где? С правой стороны? С правой стороны. А теперь где он стоит? С левой. Это же и есть искусство оформления! А зелень? Кто посоветовал вниз положить зелень? Кто? Именно вниз, а не вверх, и именно ёлку, а не картошку или огурцы. Кто, я вас спрашиваю? А кто велел ещё одну лампочку ввернуть в витрину? Кто? Так вот это и есть искусство художественного оформления.

— Что, батенька? — добродушно подтрунивал Зайкин над управделами. — Слышите? Давайте уж признаемся, что не понимаем мы с вами в искусстве...

* * *

Однажды случилась крупная ссора между счетоводом конторы Мосносок Лисичкиным и его приятелем Петраковым. Сидели однажды Лисичкин и Петраков в ресторанчике за стаканом, как говорится, доброго вина и вели мирную, дружескую беседу.

— Эх, интересную работу мне предлагают, а уйти не могу! — сказал Лисичкин.

— Не отпустят?

— Да, пожалуй, бы отпустили, но морально чувствую себя не вправе, не могу покинуть человека. Я уйду, другой уйдёт, третий — что же с ним-то будет? Эх, какой чудесный, добрый, широкий человек!

— Да, — сказал Петраков, — бывают же люди. Вот бы моего соседа по квартире с ним познакомиться! Ужас, а не человек! Скареда, придира, а уж злой, как собака. Житья с ним нет! Взять бы его и ткнуть носом: смотрите, мол, Иван Петрович Зайкин, какие люди на свете бывают!

— Как, как?

— Иван Петрович Зайкин.

— Это кто же Иван Петрович Зайкин?

— Мой сосед по квартире.

Мы не будем передавать в подробностях ссору между Лисичкиным и Петраковым. Скажем только одно: люди они были молодые, горячие.

— Ты меня во лжи не смей упрекать! — кричал Петраков. — Поедем ко мне, сам убедись. У меня стены тонкие, всё слышно.

— А что ж, поеду!

И они поехали к Петракову, сели на диван в его комнате, и Лисичкин услышал, как кто-то за стеной голосом Ивана Петровича Зайкина спросил:

— А где ещё тринадцать копеек?

— Какие тринадцать копеек, Иван Петрович?

— Да не тринадцать, а четырнадцать.

— Это он со своей домашней работницей счета подводит, — шепнул Петраков Лисичкину.

— Малограмотная я, — сказал женский голос за стеной.

— Знаем мы вас, малограмотных! Сегодня пятнадцать копеек не хватает, вчера семь копеек не хватало.

— Вчера пять.

— А пять, что же это, не деньги? Нет, милая моя, я из жалованья вычту. Я не намерен своё кровное терять. Потом, дай-ка весы: по-моему, в этих семи картошках кило весу не будет.

— Это сон, — прошептал Лисичкин, — это не он!

Но в это время в комнату постучали, и Петраков толкнул Лисичкина за ширму.

— Вот что, дорогой товарищ Петраков, — сказал Иван Петрович, входя в комнату, — ваш сын Петя разбрасывает игрушки в передней.

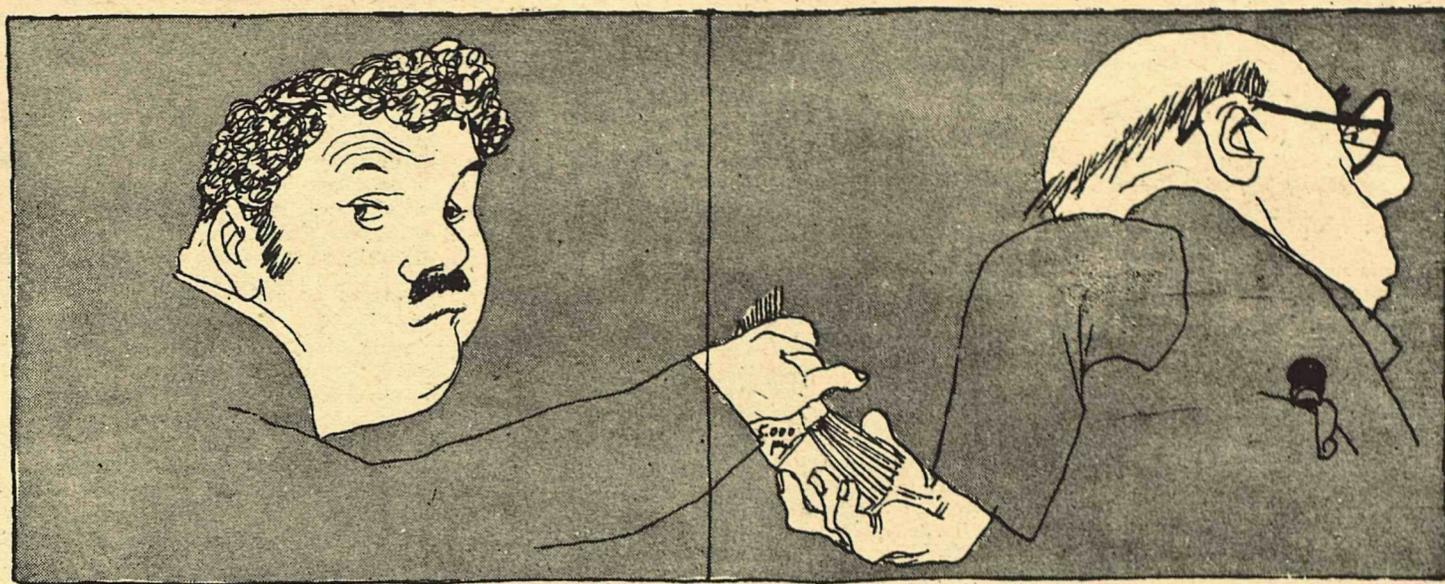
— Ребёнок, — тихо сказал Петраков, — семь лет.

— Что с того, что ребёнок! Натирка полов в коридоре производится на наш общий счёт. Если вы не прекратите подобное, то попрошу вас, я подсчитал, уплачивать мне ежемесячно четыре рубля тринадцать копеек, а не то я вашего ребёнка вышвырну. Я своё кровное терять не намерен...

На другой день Иван Петрович в своём кабинете грудным, низким, ласковым голосом говорил главному бухгалтеру:

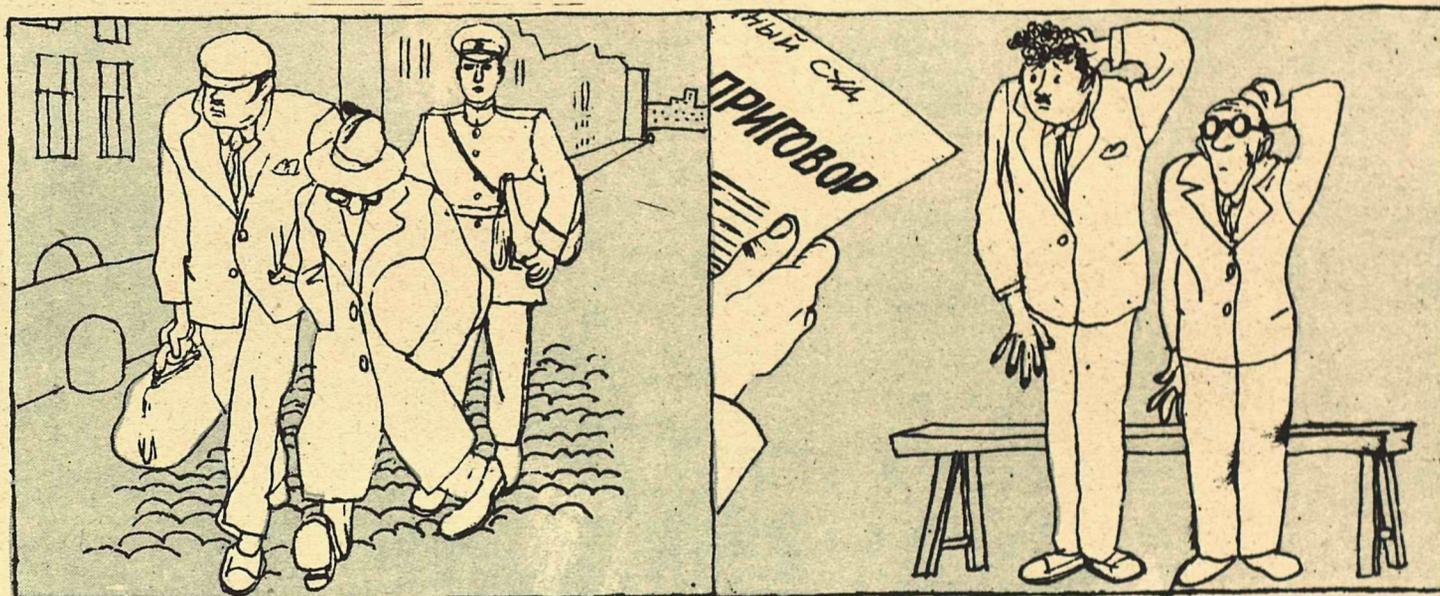
— Прекратите, голубчик, в конце концов это крохоборчество. Честное слово, меня это утомляет! Спишите эти двенадцать тысяч в убыток. Стыдитесь, о чём вы ведёте спор!

Константин ФИНН



Дали.

Взяли.



Взяли.

Дали.

САМОВАР УШЕЛ

И ВОТ, дорогой товарищ, вы в Тюменской области, в Байкаловском районе, в районном центре. Вы испытываете голод и жажду. Вы ищете, где бы утолить этот голод и эту жажду. Здесь есть чайная... Очень хорошо!.. Давайте зайдём.

Вот вы уже сидите за столиком. К вам подбегает расторопная официантка в изящных тапочках:

— Чего желаете?

— Ну, прежде всего дайте нам чаю. Крепкого, горячего чаю.

— Чаю, я извиняюсь, не держим.

— Вот тебе раз!.. В чайной нет чаю. Как это может быть?

— В крайнем случае мы можем сделать чай из самовара потребителя в стаканы потребителя.

— Что, что?.. Вы требуете, чтобы потребитель приходил к вам со своим самоваром?!

— Мы ничего не требуем. А ежели потребитель спрашивает чаю, то тогда мы с него спрашиваем самовар.

— Позвольте!.. А своего самовара у вас нет?

— Был. То есть у нас он не был, не дошёл. Но был занаряжен для нас.

— Опять загадка! Вот, я знаю, в старину говорили, что «самовар ушёл», в смысле выкипел. Но как это так самовар «не дошёл»?

— А так. Занарядили для нашей чайной из области самовар, пять чайников эмалированных, шестьдесят стаканов,— тут официантка даже всхлинула от умиления, вообразив себе весь этот инвентарь.— И вся эта благостыня пришла в магазин нашего райпотребсоюза.

— А дальше?

— Дальше самовар ушёл. То есть не в том смысле ушёл, что выкипел, а в том смысле ушёл, что уехал. Унесли его.

— Кто унёс?

Официантка поглядела по сторонам, потом наклонилась ко мне близко-близко и шопотом произнесла:

— Товарищ Макаренков. Руководящий товарищ. Понимаете?

— Понимаю. То есть не понимаю. Неужели же он так вот и взял этот самовар?

— Нет, товарищ Макаренков взять-то взял, но взамен прислал свой самовар — подержанный... А уж подержанный самоварчик взял себе товарищ Абрамовский — заведующий райзо. Этот, значит, взял уже «так вот», без обмена.

— Ну, а чайники? Стаканы?

Официантка махнула рукой:

— Мало ли у нас всяких заведующих?.. Значит, что мы с вами будем кушать?..

Иван ДИТЯ

КОГДА САПОЖНИК БЕЗ САПОГ

Баксанская газета «Большевистский путь» (Кабардинская АССР) разослала республиканским и районным организациям отпечатанный в своей типографии рекламный листок, приглашающий всех воспользоваться услугами баксанской полиграфии.

Охотников нашлось очень много: устоять перед завлекательным текстом приглашения было трудно. Посудите сами:

«Типография Баксанского районного издательства газеты «Большевистский путь» доводит до вашего сведения о том, что принимает по изготовлению различного рода полиграфические заказы бухгалтерских и концелярских бланков, книг с переплетом а также принимает всякого рода объявления для опубликования в газете.

Наш адрес сел. Баксан, ул. Коминтерна, тел. № 2 редакции газеты «Большевистский Путь».

Ответственный редактор Гендугов. Тех. секретарь Хажироков.

Из достоверных источников нам стало известно, что баксанское издательство в первую очередь выпускает массовым тиражом полное собрание грамматических и корректурных ошибок ответственного редактора Гендугова. Одновременно «для опубликования в газете принято объявление»:

«Редакции газеты «Большевистский путь» срочно требуется грамотный редактор».

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

Иные поэты тоской своей
В стихах упиваться любят,
А в жизни посмотришь, — они, ей-ей,
Весьма весёлые люди:
Умеют смеяться, и петь, и острить,
И спяшут, когда случится,
Но стоит им сесть и начать творить —
Как будто наелись горчицы!
Голос настроят на томный минор
(«Что радость? Она примитивна!»)
И ну заводить унылый хор...
Послушаешь — аж противно!

Один, в какую бы тему ни влез, —
Повсюду разводит слякоть:
Пойдёт он, скажем, за чем-нибудь
в лес —

И лес начинает плакать!
Над полем — запустит дождик косою,
Похнычет над листиком жёлтым,
Вся природа — как сыр со слезой,
Куда бы с ним ни пошёл ты.

Другой, оседлавши разбитых кляч
Мистики и символизма,
В стихах подымает лирический плач
О прошлой любви и жизни.
Свой куций любовный ассортимент
Так рассиропит тоской он —
Не то что люди — рояль, инструмент,
От воплей его расстроен!
Строка за строкой, за стишком стишок
Зовут тебя ахать и охать:

Ах, мол, в мечтах, мол, всё так хорошо,
А в жизни всё так, мол, плохо!
Третий — философ. Он жалобный вой
Подправит и луком и перцем,
То скорбью его назовёт мировой,
А то по-немецки — «вельтшмерцем»,
И тут уж ему не поставишь
границ, —
Он всё обтоскует искусно:
Букашку и вечность возьмёт и
сравнит,

И сразу — неловко и грустно...
Иной соловей вот-вот-вот запоёт
Под стать нашей звонкой эпохе.
Нет! Смотришь — лирический голос сдаёт
И слышатся охи и вздохи.
И не поймёшь, почему это он
Спикировал, как говорится:
Боишься нарушить «хороший стон»,
Иль... голос сорвать боится?
И чорт их там знает, кто их застращал,
Заставил печально выть их, —
То ли эстет, что с тоски отощал,
То ли трухлявый критик!

Попробуй прославить здоровье,
и труд,
И солнце без тучи печальной, —
Сейчас же из разных углов заорут:
Банально! Серо! Тривиально!
Эстеты любой жизнерадостный стих
Безжалостно раскритикуют.
Как будто соревнованье у них:
Кто кого перетоскует?

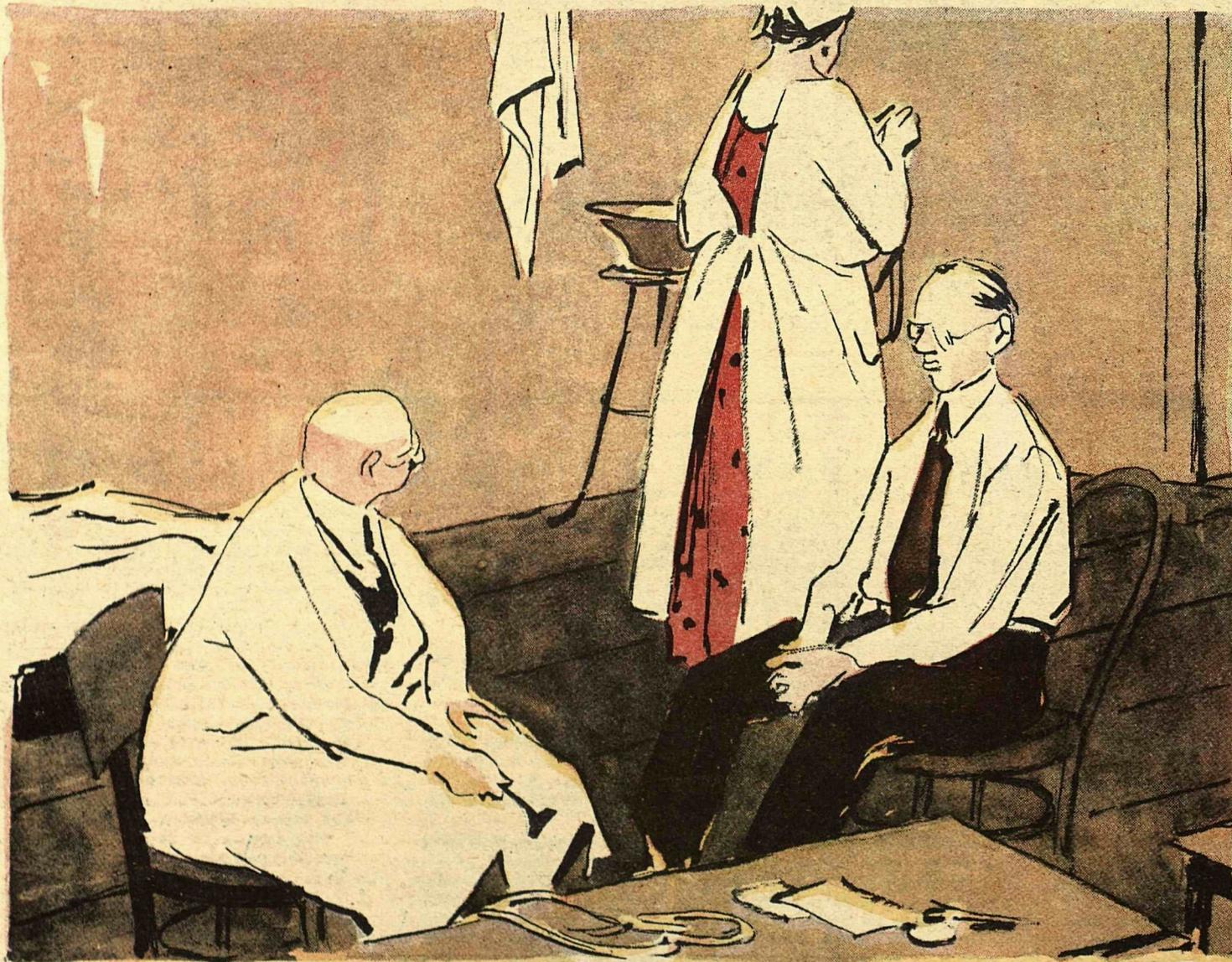
Хватает нам солнца, и дел, и любви,
Враги не раз нами биты.
Казалось бы, — радуйся, строй и живи —
Но странные есть шмидты:
Кричат во всё горло «о праве на грусть».
Грустить не мешали им сроду,
Пускай надрываются. Только пусть
Не тащат всю слякоть народу!
Конечно, есть в жизни и холод и стон,
И смертны, конечно, все мы, —
Но стоит ли делать слезливый бульон
Из каждой лирической темы?
Пиши, от любви и от гнева дрожа,
В бою будь трубой иерихонской, —
Зачем же евнухам подражать
В слезливой тоске эпигонской?
Вместо того, чтобы грусть источать
Без видимой даже причины,
Давайте и горе будем встречать
Как воины, как мужчины.
Суровость не любит плаксивых гримас,
И мужество с шуткой дружит.
В самый тяжёлый и скорбный час
Слезливый стих нам ненужен,
Я за такие стихи стою,
Чтоб строить и жить помогали,
Чтоб звали вперёд, как знамя в бою,
Отвагой сердца зажигали!
Поэты! Оставьте томный скулёж —
Не воплей, а песен ждёт молодёжь!

Можно в стихах рассулосить мигрень,
И тень навести на безоблачный день,
Можно скучать и слезу источать,
Но... зачем этот мусор тащить в печать?!

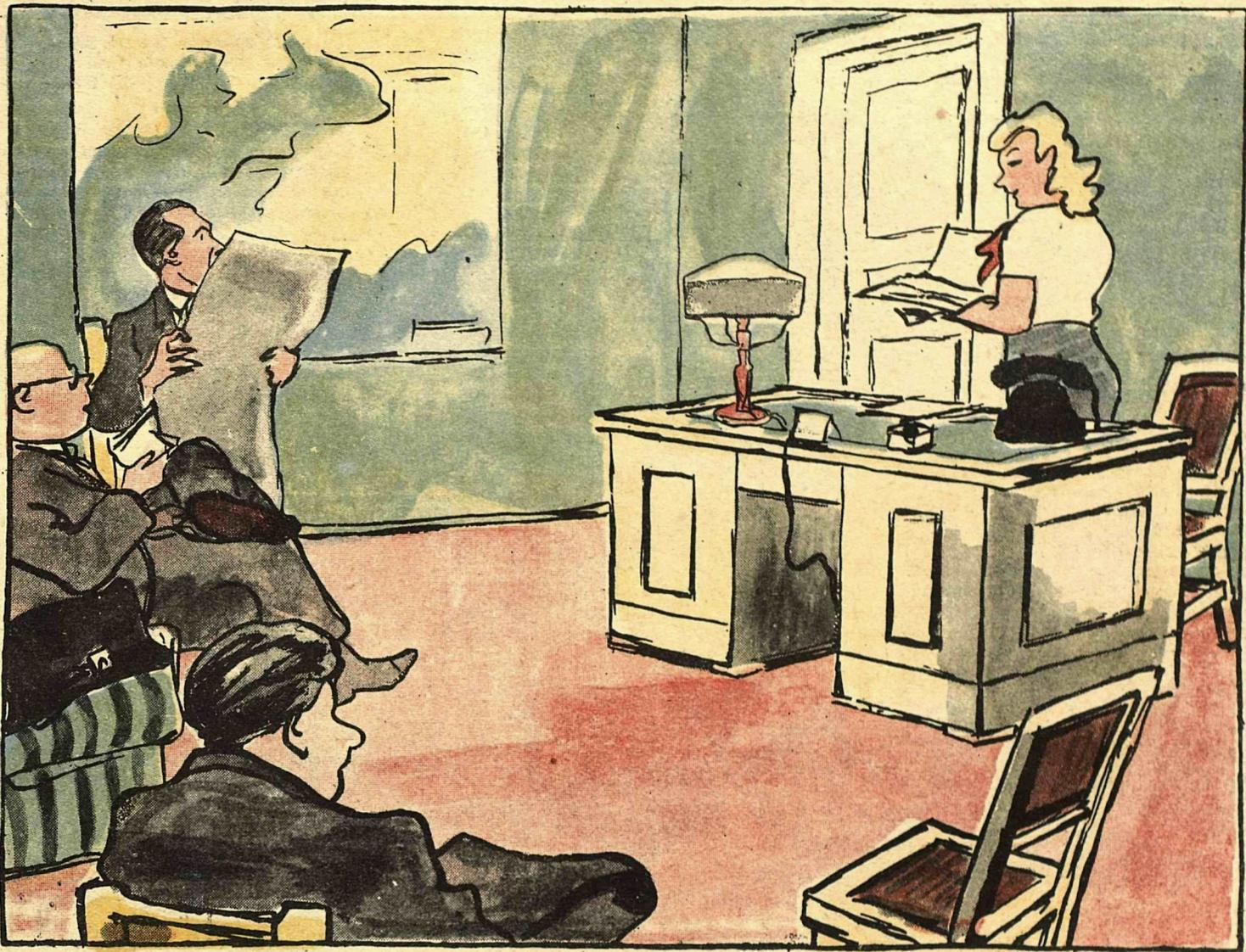
Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЕЩЕ О ЯЗЫКЕ

Рис. Л. Сойферписа



ВРАЧ: — Язык у вас нечистый.
ПИСАТЕЛЬ: — Да, об этом даже в газете писали.



— Я, граждане, иду обедать, а вы пока отвечайте на телефонные звонки. Вы ведь второй месяц к нам ходите и все наши порядки знаете.

УТВЕРЖДЕНО И ПОДПИСАНО...

ОХ, и много же раз писали у нас о банях! Сколько чернил извели фельетонисты, изболочив ржавые шайки и дырявые трубы!

И всё-таки снова мы вынуждены возвратиться к бане. Только на этот раз немножко с другой стороны.

Вы пришли в баню. Прежде всего надо приобрести билет на право, как пишут в официальных документах, «помывки одной человеко-единицы». Его продаёт миловидная девица-блондинка, сидящая за столиком. В двух шагах от неё стоит аналогичная миловидная девица-брюнетка, которая со скучающим видом отбирает у вас билетик, рвёт его и бросает в урну.

— Скорее, скорее, — помыться!

Но у вешалки вдруг очередь.

— В чём дело?

— Гардеробщица на перерыве, — меланхолично разъясняет жажущим помыться банное начальство. — Ничего не поделаешь, придётся подождать.

— А если бы вон ту брюнетку сюда поставить? И билетики будет проверять и одежду принимать.

— Да что вы! У меня же в штате отдельно контролёр утверждён. Как же можно?..

Тут все сразу замолкают. Раз штаты, да

ещё утверждённые, что же тут можно поделаться?!

Итак, поговорим о штатах и не только банных.

Вы зашли в учреждение. Вам нужно оформить какую-то бумажку. Один работник её напишет, второй подпишет, третий наложит штамп, четвёртому вы её сдадите, а у пятого распишетесь и получите. Несложный процесс оформления простого отношения расчленён на множество мелких операций. И на каждой операции сидит «штатная единица».

Пройдите по коридорам некоторых наших министерств и других больших учреждений. Иной раз думается, что идёшь не по учреждению, а по Пушкинскому бульвару в летний, погожий день. Большое движение, праздные разговоры.

Маленькие любят копировать больших. В одном районе инспектор финотдела заглянул в промкооперативную артель. Во дворе сидели двое мужчин и четыре женщины, звонок распевавшие хором: «Ах, и хороша я младшенька была». Осведомившись о целях прихода, председатель артели начал знакомить инспектора с присутствующими:

— Вот это наш технорук, а это старший бухгалтер, Клава — счетовод-кассир, Маня — кладовщик, а вот дядя Фёдор — сторож.

— Очень приятно! А где же цех ваш, рабочее?

— Вот-с, пожалуйста!

И председатель распахнул дверь в клетушку, где возились три подростка, выделывая несложные крючки и задвижки.

Инспектор, поморгав глазами, растерянно спросил Клаву:

— Ну, а вы, к примеру, что же делаете?

— А я, помимо своей основной работы, ещё соцсоревнование рабочих учитываю.

Понадобились не один день и не одна бумажка, чтобы ликвидировать эту артель как самостоятельную «точку» и влить в другую.

Существует областная контора некоего Всекоснаба. Штат её утверждён в 263 человека. А налицо имеется 150 человек. И плачутся:

— Вот людей не хватает, бьёмся, бьёмся...

— А план выполняете?

— Выполняем.

— И без сверхурочных обходитесь?

— Без них.

— Так зачем же вам люди ещё?

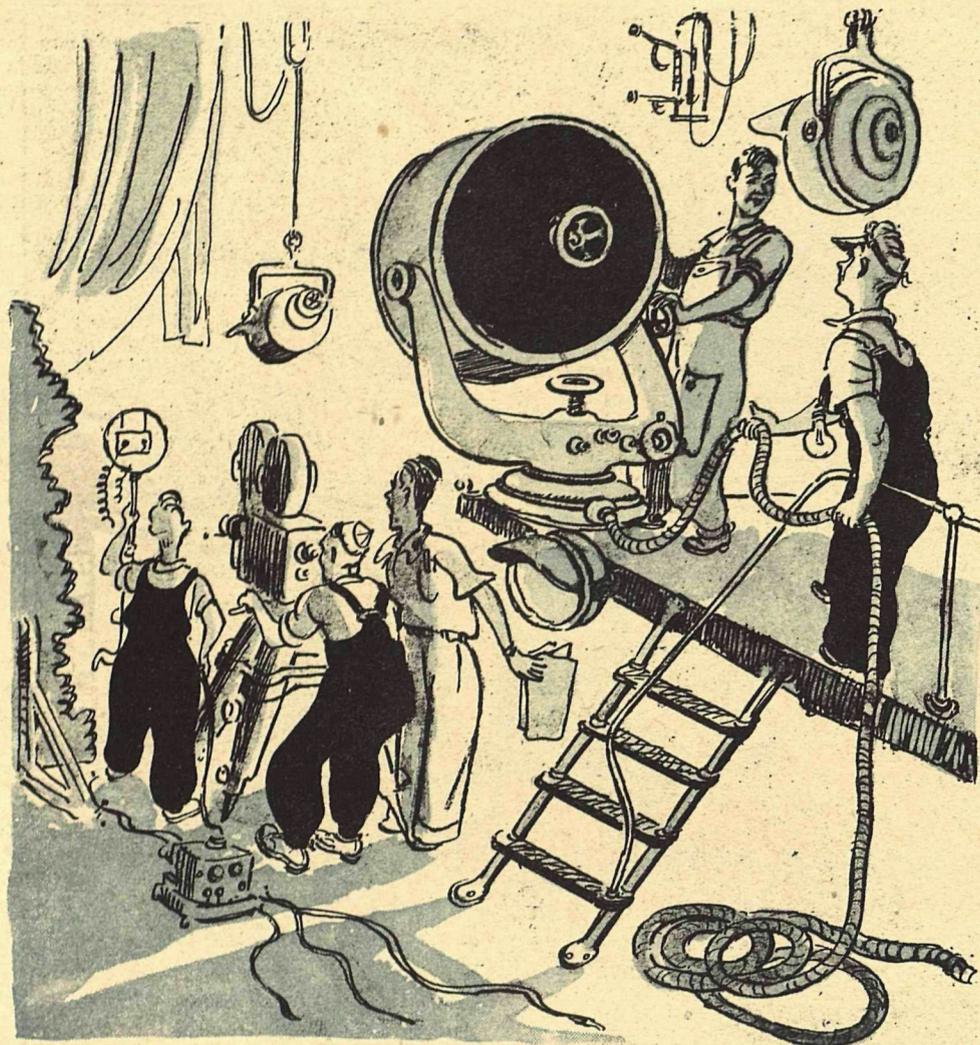
— А как же, батенька, утверждено и подписано!..

Магические слова — утверждено и подписано!..

Свердловск,

Вад. САФОНОВ

Рис. В. Фридкина



— Снимали, снимали комедию, а когда сняли, — оказалось, что грош ей цена.
— Если бы грош! А то в сотни тысяч обошлась.



Ягдфельд кривляется

В ПЬЕСЕ активное участие принимают тени и силуэты.

То и дело натываемся на такие авторские ремарки:

«Тени от уличного качающегося фонаря создают удивительные, сказочные фигуры...»

«Тени от облаков плывут по стеклу окош-ка».

«Бесшумная сказка удивительных силуэтов разыгрывается на стенке».

«Тени на стенке от спиц похожи на сказочных, удивительных птиц и зверьков».

«Тени от фонаря перебегают из угла в угол».

Кроме вышеупомянутых теней и вышепоименованных силуэтов в пьесе орудуют стенные часы.

«С лёгким хрипом идут часы — им лет 80».

«Кажется, что часам трудно дышать, что у часов астма».

«С хрипом идут часы».

«Часы в столовой долго хрипят и кашляют».

«Часы бьют три раза и идут дальше (!)».

«Идут часы».

В пьесе Г. Ягдфельда «Дорога времени» (именно о ней идёт здесь речь), кроме теней, силуэтов и хрипящих часов, встречаются и советские люди. Очень странные люди.

Война. Враг вторгся в пределы Советского Союза. Молодой человек, Шура Морозов, призван в ряды Красной Армии. В семь утра он должен явиться на сборный пункт. А вот что происходит в ту же ночь, в пять часов.

Разговор между Шурой и его сестрой Лидой, студенткой:

Лида.— Давай вспомним что-нибудь, что давно ушло...

Шура.— Давай вспомним про нашу собаку Джэрри.

Лида.— Нет, знаешь про что? Давай вспомним про кадрили грифов!

Шура.— Её, кажется, танцевал гриф с черепахой.

Шура.— Помнишь, ты был всегда гриф, а я черепаха.

И Шура с Лидой танцуют кадрили грифов. По замечанию автора, они «скачут вверх и вниз, как пасхальные чортики». Они весело пляшут и скачут. 5 часов ночи. Война...

Шура Морозов на фронте. Он и боец Петров в разведке. Лежат в яме. Сейчас должны пойти вражеские танки. Разведчикам приказано не пропустить их.

О чём два бойца говорят в такой час?

Морозов.— Всю жизнь я мечтал быть волшебником. Что б я тогда натворил, страшно подумать!

Петров.— А что?

Морозов.— Когда, до войны или сейчас?

Петров.— Сейчас.

Морозов.— Ну, сейчас что-нибудь очень простое. (Секунду думает.) Ну, скажем, пусть у каждого немца сделается бы сапог на один номер меньше... У кого 44, пусть будет 43, у кого 43, — 42, и так далее...

Петров.— Ну, у них будут жать сапоги, а что толку?

Морозов.— Сигнал к атаке. Они идут по сигналу в атаку. Только они идут в атаку на четвереньках...

По свидетельству автора, Морозов «секунду думает», прежде чем произнести эту чепуху. Возникает вопрос: а сам автор думал хоть одну секунду, когда он вкладывал в уста советского бойца подобную галиматью?

Нет, этой секунды, видимо, не хватает в бюджете времени Ягдфельда. Послушайте, как перед самой атакой немецких танков боец Морозов — по воле драматурга — кривляется:

Морозов.— Ты знаешь, Петя, кто я?

Петров.— Пустомеля ты, вот кто!

Морозов.— Нет, я кот... Я такой кот, который улыбается и исчезает... А потом я исчезну, а улыбка останется...

Всё это сочинение состоит из подобных откровений. За одной галиматьёй сейчас же следует другая. Спекулируя на теме о войне, патриотизме, автор сделал всё от него зависящее, чтобы ополщить самые благородные человеческие чувства.

Все действующие лица в пьесе не разговаривают, а кривляются, паясничают.

К матери погибшего на фронте Шуры Морозова приезжает полковник. Для полной характеристики этого человека в пьесе имеется такая ремарка: «Полковник со старинной (!), изысканной вежливостью обгоняет Екатерину Михайловну и открывает перед ней дверь».

Изысканный полковник должен сообщить Екатерине Михайловне о смерти её сына. Для этого он берёт со стола пепельницу, линейку, пресс-папье и... оловянных солдатиков.

— Вот теперь, — говорит полковник, — разрешите при помощи этих предметов рассказать о стратегической обстановке. Вот, где линейка, видите, — это наши позиции. Где стоит пепельница, — это позиция немцев...

Рассказав «при помощи этих предметов», как пал в бою боец Морозов, полковник уходит и на прощание говорит матери, получившей такое страшное известие:

— Ну, вот, до свидания. Хорошо у вас в доме, тихо (!), похоже на наш дом. И вы, Екатерина Михайловна, будто бы моя мама. Моя мама чудесно пекала ватрушки. Слово какое хорошее, милое — «ватрушка», давно оно не попадалось мне в жизни. «Ватрушка», потом ещё — «пышка».

В это время появляется Лида. Она поняла, какую весть принес её матери полковник. И она в ответ на «ватрушки» и «пышки» говорит полковнику:

— А есть слова странные: «стрептококк», «скикимора»...

Пьеса почему-то называется «Дорога времени». Никакой тут дороги нет. Здесь может идти речь о бездорожье, о распутице. Эти слова точнее характеризуют пачкотню Ягдфельда и состояние, в котором пребывала напечатанная эти пошлые кривлянья редакция ленинградского журнала «Звезда», где в ту пору, видимо, резвились силуэты и хрипели часы...

Г. РЫКЛИН.

СЛУЧАЙ НА ЗАСЕДАНИИ

Заседание тянулось пятнадцать часов,
Исписал секретарь двести сорок листов,
На исходе у всех папиросы,
Но не сдвинулись с места вопросы.

Лишь один предложение внесёт, как
другой
Уже нервно над лысиной машет рукой:
Дайте слово ему во мгновение,
Он желает изречь возраженья!

Возражатели спорят, скрестив языки,
И вонзают друг в друга клинки и
штыки
И втыкают друг другу булавки,
Так что стены карёжятся в главке!

Чайнося, уже сблизилась уборщица с ног,
Председатель в тоске искалечил звонок,
Протокол разбухает, как тесто,
А вопросы не сдвинулись с места...

Вдруг... как радуга вспыхнуло что-то в
дыму,
Стало ясно вокруг, — не скажу почему, —
Может, вскоре откроет наука,
Приключилась какая тут штука!

Председатель набрался решимости
вдруг,
Колокольчика звонкий послышался
звук —
И — по щучьему в роде веленью —
Наступило в мозгах просветленье.

Пров Петрович, который орал для того,
Чтоб заметило только начальство его,
Уяснив болтовни неприличность,
Отказался плести околичность.

Фрол Егорыч, который семь шапок
принёс
И запутал цитатами ясный вопрос,
Осознал, что густячное дело
Мог давно уже сам двинуть смело.

Пал Иваныч почувал, что время идёт
И пока он в бездельи бессмысленном
ждёт
Окончанья повестки опромной, —
Посетители стонут в приёмной.

...Эту сказку, друзья, не жалея чернил,
Не в обиду кому-нибудь я сочинил.
Заседатель иной прочитает —
И, быть может, на ус наматает!

Ал. РОХОВИЧ

ОДНАЖДЫ...

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Однажды Талейрану сообщили, что сын Наполеона, будущий герцог Рейхштадтский, начал уже не только ходить без няньки, но и пытается бегать. Это было в конце 1812 года, когда Наполеон покинул отступавшую из России армию.

— Редкий случай! — воскликнул знаменитый дипломат. — Отец и сын в одно время учатся бегать!

ОБЕД ПО-ФИНИКИЙСКИ И УЖИН ПО-РИМСКИ

Однажды в присутствии Россини зашла речь на гастрономические темы. Кто-то сказал, что древние римляне весьма немногие ели за обедом, но зато очень плотно ужинали. Финикийцы же наоборот: сытно обедали и легко ужинали.

— А какой порядок предпочли бы вы, маэстро? — обратился рассказчик к Россини, любимшему, как известно, хорошо поесть.

— Я предпочёл бы обедать с финикийцами и ужинать с римлянами, — быстро ответил великий композитор.

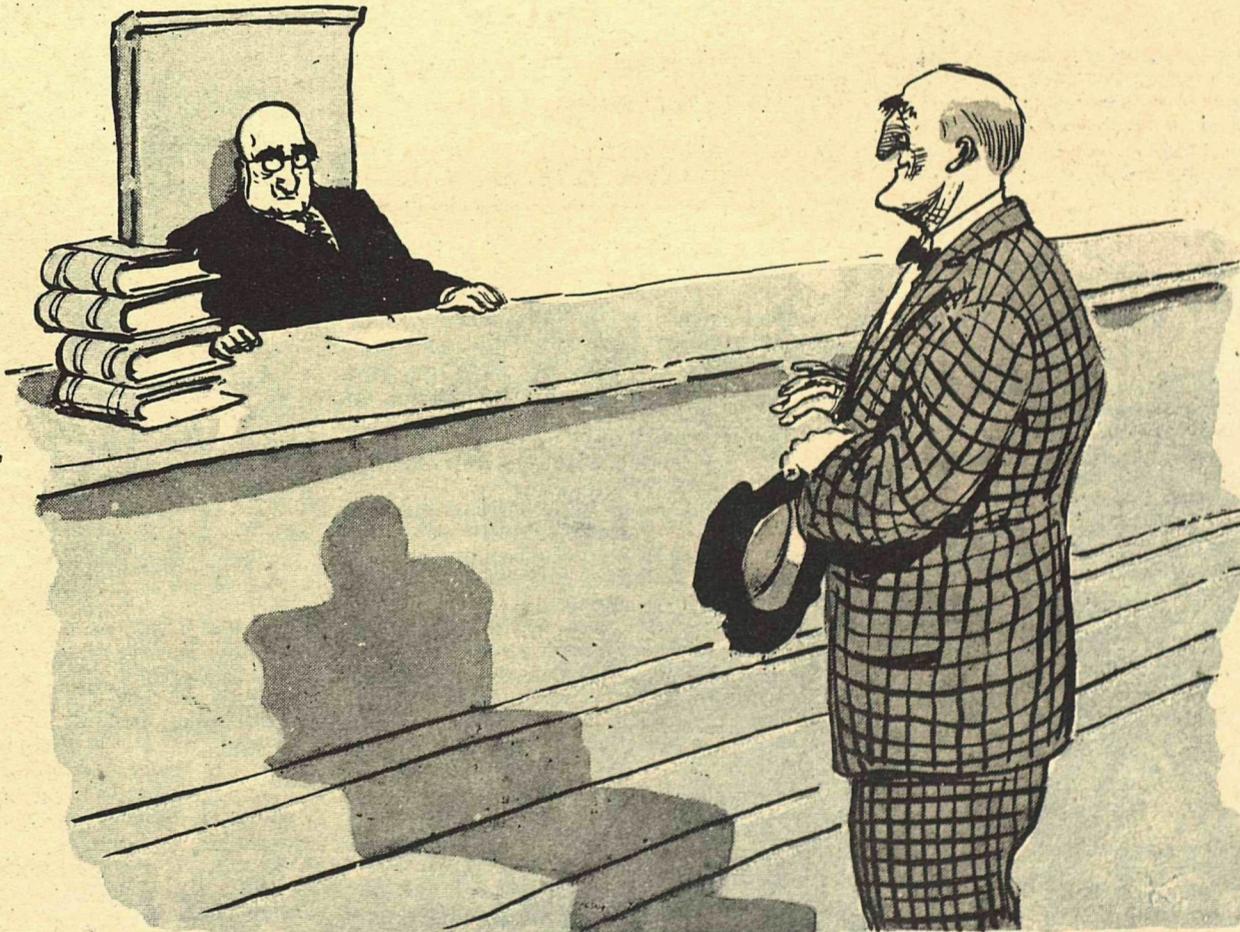
ЭКСПРОМТ МИНАЕВА

Однажды у известного петербургского артиста Любского произошёл конфликт с театральным начальством. Узнав об этом, поэт Д. Д. Минаев тотчас же сказал экспромт:

«Нынче Любского Анатолия
В театре снова ждут гонения.
Он же сетует: — А на то ли я
Был создан небом с даром гения!»

ВСТРЕЧА С ИЗБИРАТЕЛЕМ

Рис. А. Каневского



— Шестой раз вы привлекаетесь по уголовному делу. Неужели за всю жизнь вы не заработали хоть один доллар честным трудом?
— Не один, а десять. Ведь я голосовал за вас, господин судья, на прошлых выборах.



— Наконец-то культработа у меня поставлена на ноги!..

В дороге

ИЗ ГОРОДА навязался уполномоченный. Не хотелось дяде Кузьме брать лишний груз, а пришлось. Уполномоченный отыскал дядю Кузьму на окраине города и, раскачивая в руке портфель, сказал:

— Здравствуй, любезный. Как тебя зовут?

— Кузьмой... А что?

— Да просто интересно, с кем я поеду.

— Это куда же?

— Ну вот, сразу закудакал! В Петровку, конечно... Понимаешь: целый день ищу подводчика из тех краёв. Ты прямо выручил меня!

Хотел дядя Кузьма отказать этому говору, да сразу как-то не решился, а потом поздно было: уполномоченный вынул из портфеля удостоверение и сказал:

— Понимаешь, Кузьма, важнейшее дело: денежная ревизия артели, а я третий день сижу в городе... Безобразия!

Пришлось взять. Выехали затемно. Уполномоченный разрыхлил душистое сено, растянулся во всю тележку и заснул. Миновали пригородный совхоз, бахчи, полустанок... Над чернолесьем начинался рассвет. Он шёл на землю, распластавшись по краю неба, как чудовищная светлосиняя птица. Он шёл на землю, и всё, что было на его пути, начинало просыпаться, радоваться, жить.

Проснулся и уполномоченный. Он свесил ноги, стряхнул с себя сено и обернулся к дяде Кузьме:

— Ну как, Кузьма, много отъехали?

— Много.

— А сколько осталось?

— Мало.

И, помолчав, добавил:

— Сейчас за лесок выедем, а там до Петровки десять вёрст степью. Хошь пой, хошь пляши — ни дерева, ни души.

До лесу ехали молча, потом разговор начал уполномоченный:

— Ты, Кузьма, давно в колхозе?

— Давно.

— Как жизнь?

— В войну плохо было: людей нехватка, опять же машин... А сейчас ничего, налаживаемся.

— Ты семейный?

— А как же. Старуха есть, дочка на выданьи да орёл в Берлине.

— Жив-здоров, значит? Это хорошо.

— Он в меня пошёл — живучий. Я сам две войны прошёл, а, видишь, вот живу, не тужу. Да ещё сына поддерживаю. В войну-то тридцать тыщ ему отослал.

— Неужто тридцать?

— Не в карман, конечно, в казну послал.

— Вот ты какой!

— Какой уж есть, — весь тут.

Подъехав к небольшому мостику, дядя Кузьма придержал карего. Тележка стукнулась колёсами о бревно, подпрыгнула и взлетела на скрипучий настил.

Дядя Кузьма хотел выругаться, но не успел: правая передняя нога лошади попала в широкую расщелину, и карий рухнул на горбыли. Дядя Кузьма спрыгнул с тележки и взял коня под уздцы:

— Но-о-о, милок, но-о-о!

Карий несколько раз рванулся вперёд, поднялся на задние ноги и опять упал, тяжело захрапел.

— Подожди, Кузьма, я вижу, он у тебя дурака строит.

Уполномоченный схватил толстый ремённый кнут и с силой начал стегать карего. Дядя Кузьма крикнул:

— Брось!

— Чего бросать, скорее встанет!

— Брось, говорю!

Но уполномоченный не унимался. Он изо всех сил хлестал коня и к каждому удару приговаривал:

— Вот я ему брошу! Вот я ему брошу! Вот я ему брошу!

Дядя Кузьма не выдержал. Он подбежал к тележке, поймал в воздухе свистящий кнут и с силой рванул его на себя. Уполномоченный слетел с тележки. Пока он ругался, дядя Кузьма помог коню встать. Уполномоченный отряхнулся, поправил фуражку, плюнул себе под ноги и затем быстро вскочил в тележку.

— А ты, Кузьма, дурак!

— Какой уж есть, — весь тут.

— Подумаешь — лошадь...

— Лошадь жалеть надо.

— Пожалел волк кобылу... Чего зря говоришь? Своя, что ли, лошадь-то?

— Это как понимать надо? Нет, постой... Ты меня поясни, как это — не своя?

— Ну, понимаешь, общая, значит.

— Понятно... Общая — это, стало быть, не своя... Так... Ну-ка, давай слазь...

— Как — слазь?

— Слазь говорю — телега не мазана.

— Ах, телега. Ну, подмажь, Кузьма, подмажь...

Уполномоченный спрыгнул с тележки, а дядя Кузьма сел в неё, ударил карего и скрылся в густом облаке дорожной пыли.

За тележкой, всё отставая и отставая, бежал уполномоченный. Он размахивал белой фуражкой и кричал:

— Кузьма-а-а, не гони-и-и!

Дядя Кузьма обернулся и так же протяжно ответил:

— А чего её не гна-а-ать — она не своя-а-а!

Н. КЛЕМЕНТЬЕВ

г. Чкалов.



ПРОСТОЙ РЕЦЕПТ

Два года работник Свердловского горсовета инвалид Отечественной войны тов. Тягунов хлопотал о предоставлении ему жилья. Два года стучался тов. Тягунов в двери различных организаций. Сколько килограммов бумаги он испишет за эти два года! Сколько километров пути было искожено! Наконец его судьбой занялся сам зам. председателя городского исполкома тов. Земляниченко.

Тов. Земляниченко со свойственной ему категоричностью и строгостью пресек волокиту и решил вопрос, тянувшийся два года, в два счёта: «Предоставить квартиру т. Тягунову не имеем возможности. Исполком городского совета даёт согласие освободить тов. Тягунова от работы в городском отделе социального обеспечения». Как могла придти тов. Земляниченко в голову такая простая и вместе с тем гениальная мысль? С такими способностями тов. Земляниченко далеко пойдёт.

ИСК К ПОКОЙНИКУ

Инвалид Отечественной войны офицер Гороховский вернулся в родной город Одессу и застал свою квартиру совершенно пустой. Как только Одесса была освобождена, Сталинский райфинотдел описал мебель Гороховского и сдал её на хранение смотрителю дома Майнову, а тот взял и умер. Мебель куда-то исчезла. Городской финотдел предложил районному финотделу компенсировать Гороховского равноценными вещами. А в районном финотделе рассудили по-иному. Заместитель заведующего райфинотделом Жалковский вынес официальное решение: «Поскольку имущество было оставлено на хранение смотрителю Майнову, а хранитель умер и имущества не оказалось, в жалобе Гороховскому отказать. Выдать копию настоящего решения гр. Гороховскому для предъявления иска к гр. Майнову». Как это так понимать: предъявить иск к покойнику? С таким же успехом Жалковский мог посоветовать Гороховскому предъявить иск первому градоправителю Одессы — дюку де Ришелье, чей памятник стоит в Одессе на Приморском бульваре. Это по крайней мере было бы оригинальнее.

ПО ПОСЛОВИЦЕ

Черниговское отделение «Союзпечати» прислало в колхозы Понорницкого района плакаты на сезонную тему «Весенний день год кормит». Плакаты были получены только 23 июля. Понорничные колхозники недоумевают: — К чему эти плакаты теперь, когда весна давно прошла? Ведь дорогая ложка к обеду. А в «Союзпечати» на это есть готовый ответ: — Лучше поздно, чем никогда. Если кто-нибудь не удовлетворится подобным объяснением, в «Союзпечати» заявят, что в их действиях нет ничего зазорного и хаять их, собственно, нечего, а, наоборот, надо всячески приветствовать их предсмотрительность и оперативность: ведь плакаты они заслали к будущей весне, действуя также по народной поговорке «Готовь сани летом, а телегу — зимой». Против этого возражать трудно.



— Всякого материала много, а гвоздя никак не найти!



(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Как по-твоему: пианино — движимое или недвижимое имущество?

Митрофанушка Простаков, как помнишь, ответил, что дверь, приложенная к своему месту, есть имя прилагательное, а дверь у чулана, которая шестую неделю «стоит ещё не навешана: так та покамест ещё существительна».

Так вот, любое пианино, — конечно, предмет движимый. Исключение составляет пианино, которое случайно очутилось на квартире секретаря Обоянского комитета партии тов. Мальцева. Это пианино оказалось недвижимым имуществом.

Два года назад Обоянский горсовет ошибочно конфисковал у гражданки Кофановой пианино и передал его Мальцеву. Потом, после вмешательства прокуратуры, горсовет постановил вернуть Кофановой пианино. И тут пианино стало движимым. Сколько ни пытались горсовет, областная прокуратура, депутат Верховного Совета, прокуратура Союза сдвигать пианино с места, — никак не удаётся.

Как же после этого следует считать пианино: движимым или недвижимым имуществом? И может ли произойти такое чудо, чтобы Мальцев, движимый чувством ответственности, сам признал, что пианино всё-таки движимо?

Д. ЕРШОВ

Курск.

Уважаемый Крокодил!

Едва ли тебе нужно разъяснять, каково медицинское назначение горчичников. А вот среди некоторых работников Главного управления медико-фармацевтической промышленности такую разъяснительную работу следует развернуть: они, видишь ли, полагают, что достаточно отпечатать в типографии на листочках горчичного цвета, что это горчичник, и листочки сразу приобретут целебное свойство.

Воспользовался как-то и я так называемым горчичником, выпущенным сталинградским заводом № 16, и, к ужасу своему, обнаружил, что я на старости лет стал толстокожим: горчичник меня не раздражал, не щипал.

И только старый, случайно сохранившийся горчичник привёл

меня в чувство. Так что, если в Главном управлении медико-фармацевтической промышленности захотят освоить секрет изготовления горчичников, я охотно пожертвую для экспериментальных и изыскательских работ своим, уже раз использованным горчичником, который, однако, не утратил своих качеств. Для науки можно пойти на жертвы.

П. ЖИВАГО, профессор.

Москва.

Уважаемый Крокодил!

Кто включил в повестку дня заседания исполкома Викуловского райсовета (Тюменской области) вопрос «О подготовке школ к новому учебному году», неизвестно. Однако этот вопрос на повестке дня стоял. И председателю исполкома тов. Стаднику оставалось одно: приложить все свои административные способности, чтобы избежать неприятных разговоров о том, что в районе весьма неважно обстоит дело с ремонтом школьных зданий, что топливо для школ не заготовлено, что материальное положение учителей заставляет желать много лучшего.

И нужно сказать вполне объективно, что тов. Стаднику бле-

стяще удалось провести заседание, на котором обсуждались школьные дела. Всё прошло очень хорошо. Он вовремя остановил доклад зав. районо, не желая огорчать присутствующих грустными сообщениями. По той же причине он не дал слова и учителям. А меня он своей председательской властью просто оборвал, когда я попыталась всё же высказаться.

Как школьный работник, считаю, что Стадник больше двойки за такое поведение не заслуживает.

А. РАШУТИНА, школьный инспектор.

г. Тюмень.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

Директор Краснодарской школы садоводства Королёв обменял полтонны школьного сена на молоко. Об этом писал Крокодил в № 9. Ревизия школы обнаружила факты разбазаривания продуктов и материальных ценностей школы. Директор Королёв и старший бухгалтер Петров с работы сняты и привлекаются к ответственности.

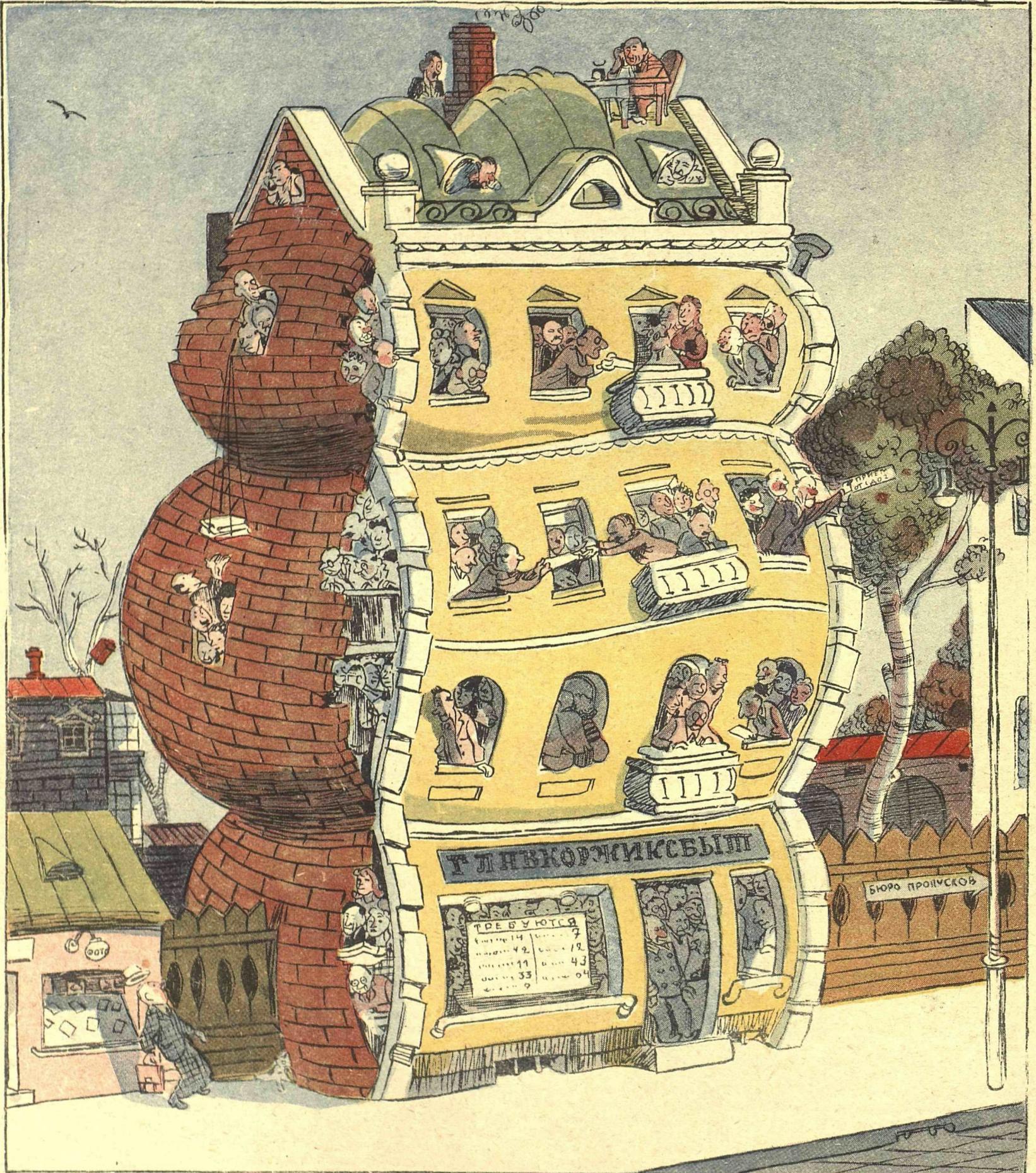
В № 13 Крокодила была помещена заметка о безграмотности заведующего Черским отделом народного образования Писаренко. Приказом министра просвещения ВССР Писаренко освобождён от работы.

48

ЗЛОКАЧЕСТВЕННАЯ ОПУХОЛЬ,
или...

ВСЕСОЮЗНАЯ
ЖИЛИЩНАЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1946 г.

Рис. Ю. Ганфа



...хроническое расширение штатов. Требуется оперативное вмешательство.